

На пути к общему миру: композиционизм Бруно Латура как средство преодоления климатического кризиса

Иван Наумов

Аспирант факультета социологии, Европейский университет в Санкт-Петербурге
Адрес: ул. Гагаринская, д. 6/1 А, Санкт-Петербург, 191187 Российская Федерация
E-mail: inaumov@eu.spb.ru

В статье предпринимается попытка выделить из обширного творчества Бруно Латура последовательную теоретическую программу, получившую от него название «композиционизм». Целью композиционизма стоит считать выведение процедуры составления «общего мира», который понимается как форма реальности, способная обеспечить максимально благоприятные условия жизни для максимального числа составляющих ее агентов. Статья состоит из двух частей. В первой из них обозначаются теоретические особенности становления композиционистского проекта в контексте развития политической мысли Латура в период с 1980-х по 2010-е годы. Будучи впервые сформулирована в книге «Политики природы», дабы найти альтернативу миру, составленному господствующей и по сей день Конституцией Нового времени, или Модерна, теория композиционизма постепенно развивалась на протяжении всей дальнейшей академической карьеры Латура. Первой попыткой предложить подход к реализации идеи композиции общего мира стоит считать «Парламент вещей». Позже, в 2000-х годах, Латур во многом пересмотрит свой политический проект. Обратившись к традиции прямой демократии, он попытается сделать его более эмпирическим. Так на свет появится «объектно-ориентированная политика», или же *Dingpolitik*, неотъемлемой частью которой стоит считать также и описанный в «Исследовании модусов существования» политический тип высказывания [POL], всегда строящийся вокруг вещей. Во второй части статьи содержится попытка применения выделенного теоретического аппарата к интерпретации поздних работ Латура, посвященных проблеме климатического кризиса. Среди них исследование *Où Atterrir?* («Где приземлиться?»), воплотившее в себе, как стоит считать, позитивный проект по преодолению «политического оцепенения» перед лицом климатической угрозы.

Ключевые слова: политическая теория, социальная теория, композиционизм, общий мир, изменение климата, *Dingpolitik*, Гей, Бруно Латур

Во всех шести оценочных докладах Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) отмечается, что ускорившееся в последние десятилетия повышение средней температуры поверхности Земли вызвано деятельностью человека, и в ближайшие годы оно станет еще более значительным (IPCC, 2022: 13). При этом осознание угрозы, как показывает практика, не приводит к политической мобилизации, соответствующей масштабам проблемы. Ежегодные конференции ООН по изменению климата не влекут за собой, за редким исключением, значимых скоординированных действий на международном уровне.

Подобное нарушение казуальной связи между информированностью и политическим действием перед лицом климатической угрозы стало одной из цен-

тральных тем философа и антрополога науки Бруно Латура. Считая, что корень проблемы лежит в самом взгляде на мир, разделяемом современными людьми, Латур предложил теоретическую программу, несущую в себе модель перестройки господствующего мировоззрения. Данная программа получила от него название «композиционизм».

В своей статье я попытаюсь выделить из всего пестрого творчества Латура стержень его композиционистской теории, способной послужить ключом к пониманию его последних работ, посвященных экологической проблематике. Для этого, обозначив теоретические особенности композиционистского проекта в контексте развития политической мысли Латура в период с 1980-х по 2010-е гг., я попытаюсь применить выделенный мной концептуальный аппарат для интерпретации его поздних исследований.

Композиционизм и понятие политического

Имя Бруно Латура хорошо знакомо российскому читателю. На сегодняшний день на русский язык переведена большая часть его значимых книг и статей, написано большое количество как обзорных (Вахштайн¹, 2005; Хархордин, 2006), так и специальных работ, затрагивающих разные грани его творчества (Кузнецов, 2015; Шиповалова, 2013; Широков, 2019).

При этом практически ни одно из упоминаний Латура не обходится без ремарки о сложности его определения в границах какой-либо конкретной академической или не-академической (Кузнецов, 2022) дисциплины. Несмотря на то что в нашей стране Латур по-прежнему известен в первую очередь как лицо акторно-сетевой теории (АСТ) (Кузнецов, 2013; Писарев, Астахов, Гавриленко, 2017) и ярчайший представитель социальных исследований науки и технологий (STS), он успел внести значительный вклад и во многие другие области знания. Помимо сразу же приходящих на ум антропологии, философии, социологии и семиотики, можно вспомнить менее очевидные на первый взгляд дисциплины — теологию (Howles, 2018), архитектуру (Yaneva, 2022), театральное искусство (Ait-Touati & Latour, 2022). Однако главным интересом Латура после окончания им в 2013 году работы над своим *magnit opus*, «Исследование модусов существования» (An Inquiry into Modes of Existence), стала политика. Вернее, «Гейя-политика» (Latour, 2017), центром которой являются конкретные «земные» привязанности людей, находящиеся, как правило, вне поля зрения существующей современной «геополитики».

Безусловно, нельзя сказать, что эта часть наследия Латура остается в нашей стране белым пятном. Относительно недавно на русский было переведено несколько его работ, посвященных проблемам политической экологии и нового климатического режима (Латур, 2018; 2019), опубликованы заметные статьи, стремящиеся предложить новые интерпретации латуровской трактовки концепции «Гейя»

1. Признан лицом, выполняющим функции иностранного агента.

(Kharkhordin, 2022). Имели место и более ранние попытки «приспособить» Латура под нужды политической теории (Хархордин, Алапура, Бычкова, 2013). И тем не менее восприятие понятия политического в его творчестве остается далеко не беспроблемным.

Дело в том, что в работах Латура не найти единой дефиниции термина «политика», более того, сам он не считал возможным дать понятию политического четкое определение (Latour, 2008: 662). Понимание роли политики в его теории, а также совокупности значений, стоящих за этим понятием, постепенно менялось на протяжении его интеллектуального пути.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что автор наиболее полного на данный момент комментария к политической стороне творчества Латура, Грэм Харман, выделяет три подхода философа к политическому, каждый из которых соответствует определенному периоду его карьеры — раннему, среднему и позднему (Harman, 2014). В свой «ранний» период до 1991 года Латур, находясь под влиянием Макиавелли, Гоббса и Ницше, представлял реальность как сборку неиерархичных актантных сетей², то есть как совокупность сил, вовлеченных в бесконечную борьбу за власть. Тем самым уже на первом выделенном этапе Харман усматривает склонность Латура к онтологизации политики, заключающейся в сведении ее к статусу «метафоры всей реальности» (Ibid.: 49). У Латура «среднего» периода 1991–2007 годов модель борьбы за власть между сетями актантов-союзников «заменяется моделью тщательно собранных институциональных сетей, но тенденция к онтологизации политики в значительной степени сохраняется» (Ibid.: 56). Кроме того, если «ранний» Латур рассматривал не-человеков как стабилизирующий элемент политики, позволяющий ставить новые цели и добиваться их, то «средний» Латур видит в них потенциальные проблемы, объекты спора, то есть «дестабилизирующий» компонент реальности, провоцирующий полемику (Ibid.: 60). Наконец, «поздний» Латур периода после 2007 года низводит политику до статуса одного из пятнадцати модусов существования, якобы целиком отходя от своего первоначального проекта плоской онтологии актантов (Ibid.: 81).

Главным достижением работы Хармана стоит считать убедительную демонстрацию того, что политическое всегда оставалось в центре внимания французского философа. И все же, несмотря на большое количество точных замечаний, предложенная в книге модель систематизации политической мысли Латура с боль-

2. В работе «Пересборка социального» Латур проводит различие между понятиями «агент» (agent), «актор» (actor) и «актант» (actant). Агент — это нечто (или некто), обладающее «силой» (agency), то есть способностью менять установленное на данный момент состояние дел (Латур, 2014: 77). В свою очередь агента, обладающего «фигурацией», то есть имеющего определенную признанную форму, следует называть актором. В случае, если агент не имеет фигурации, он является актантом (см., например, там же: 101). Последнее различие между актором и актантом Латур заимствует у лингвиста Альгидраса Греймаса, который также подчеркивает, что акторы являются *конкретными воплощениями* актантов как «синтаксических единиц нарратива» (Кузнецов, 2018: 90).

Несмотря на то что в АСТ в целом, и в творчестве Латура в частности, подобное терминологическое разграничение не всегда соблюдается (Напреенко, 2015: 110), здесь и далее по тексту перечисленные термины используются в приведенных значениях.

шим трудом может служить рамкой для понимания его последних работ, посвященных климатическому кризису.

Во-первых, даже с первого взгляда подход, предложенный Харманом, не кажется безупречным. На это указывает сама структура его работы. Он признает тот факт, что основанная на американском прагматизме Джона Дьюи и Уолтера Липпмана объектно-ориентированная политика, или *Dingpolitik*, является оригинальным подходом Латура к трактовке политического, представляющим собой средний путь между тем, что автор комментария называет «Политикой Истины» (*Truth Politics*) и «Политикой Власти» (*Power Politics*) (*Ibid.*: 4). Таким образом, Харман подчеркивает исключительный статус *Dingpolitik* в теории Латура, более того, называет ее «наиболее перспективным путем к Гее» по сравнению с другими подходами политической философии (*Ibid.*: 6). Тем не менее, несмотря на то что на протяжении своей книги он неоднократно обращается к объектно-ориентированной политике и даже посвящает ей заключительную главу, Харман не пытается систематически проследить развитие *Dingpolitik* в прочерчиваемой им траектории от «раннего» Латура к «позднему». В результате ключевой подход латуровской политической теории оказывается в значительной степени изолирован по отношению к остальному массиву его мысли.

Во-вторых, доходя до рассмотрения работы *Facing the Gaia*, существовавшей на момент написания его книги лишь в форме транскрипта Гиффордских лекций, Харман вновь не совершает попытки ее интерпретации в свете более ранних теоретических трудов Латура, а концентрируется лишь на малой, хотя и крайне важной части этой работы, посвященной политической теории Шмитта (*Ibid.*: 141-144).

В-третьих, в своем анализе Харман по какой-то причине игнорирует несколько «политических» текстов Латура, среди которых *An Attempt at a «Compositionist Manifesto»* (2010) и *Pour un dialogue entre science politique et science studies* (2008), которые, как будет показано, чрезвычайно важны для понимания латуровского анализа климатического кризиса.

Таким образом, возникает потребность вновь описать в общих чертах понятие политического у Латура, которое могло бы послужить теоретической рамкой и ключом к пониманию его поздних текстов. Мы попытаемся проследовать за Латуром по лабиринтам его наследия (Кузнецов, 2022: 390), взяв в качестве направляющего ориентира его идею композиции. Как будет показано, политический проект Латура, несмотря на утверждение Хармана о его дискретности, напротив, во многом оставался достаточно цельным на протяжении своего развития, а разработки из его ранних трудов были сохранены и использованы в том числе в последних работах, посвященных проблеме нового климатического режима.

От «политической теории науки» к идее композиции

Существуют основания полагать, что систематический взгляд на политическое оформляется у Латура уже в 1980-е годы. Канадский политический теоретик Ив

Сеген утверждает, что в своих работах, посвященных фигуре Луи Пастера, Латур формулирует «выдающуюся политическую теорию науки» (Seguin, 2015: 281; Seguin, Lord, 2023: 10), которую можно резюмировать всего одной фразой из «Несводимого»: «Наука — это политика, продолжаемая другими средствами» (Латур, 2015: 299).

Наиболее четко «политическая теория науки, согласно Сеген, оказывается сформулирована в статье «Дайте мне лабораторию, и я переверну мир» (Seguin, Lord, 2023: 14). В этом тексте Латур задается целью «проследить то, как с помощью наук трансформируется общество, дать новое определение состава и целей этого общества» (Латур, 2002: 4). Выходит, производимая науками «трансформация» общества, по Латуру, подразумевает переопределение, во-первых, того, из чего оно состоит, и, во-вторых, целей, которые оно преследует.

Изменение состава общества буквально подразумевает «производство» новых не-человеков. Причем это производство нельзя воспринимать исключительно как создание. Наука благодаря лабораториям делает не-человеческие сущности частью социального мира, в том числе путем выведения их в явленность, дарования им видимости в глазах других агентов. Тем самым *производство новых агентов не является исключительной прерогативой науки*. Как замечает Латур, деятельность лабораторий по производству новых не-человеков можно сравнить с работой политиков-социалистов, сделавших в свое время видимыми массы трудящихся (Там же: 18-19). При этом пополнение общества новыми не-человеческими агентами становится лишь предпосылкой для дальнейших действий, позволяя политическим игрокам достигать своих целей, на что красочно указывает сам Латур:

«Дайте нам лаборатории, и мы сделаем возможной мировую войну без инфекции, мы сделаем тропические страны доступными для колонизации, мы обеспечим здоровье французской армии, мы увеличим численность и силу населения, мы создадим новые индустрии» (Там же: 19).

Итак, в 1980-х годах в творчестве Латура возникает теория, указывающая на политический характер практики изменения состава общества путем добавления в него новых агентов. После открытия микробов наука, в данном случае микробиология, становится тем самым «другим» средством политики, позволяющим государствам ставить новые цели и достигать их.

Однако уже в 1990-х годах в творчестве Латура происходит сдвиг в сторону онтологии. Результатом этого сдвига стала вышедшая в 1999 году книга «Политики природы», в центре внимания которой вновь оказывается пара «наука-политика». Примечательно, что среди наиболее значимых комментаторов Латура не нашлось единого мнения о роли «Политики природы» в ряду прочих его трудов. Философ Герард де Врис назвал эту работу полноценной политической философией Латура (de Vries, 2007: 803). В свою очередь, Харман выразил несогласие с де Врисом, назвав при этом текст «среднего» Латура, к которым он отнес «Политики природы», всего-навсего «промежуточным этапом» перед окончательным оформлением проекта исследования модусов существования (Harman, 2014: 56).

Мы же, в свою очередь, не будем ни преувеличивать, ни приуменьшать значимость этой работы. «Политики природы» действительно знаменуют собой совершенно иной этап мысли Латура, который в значительной степени предопределяет дальнейшее развитие его концепции политического. В частности, центральной темой книги становится попытка разработки новой теоретической программы, преследующей цель построения того, что Латур называет «общим миром», и которую следует называть «композиционизмом».

Понятие композиционизма, согласно Латуру, оказывается этимологически связано с латинским *componere* — приводить в порядок, организовывать (Latour, 2010a: 473-474). Тем самым собранные вместе и приведенные в определенный порядок композиционистом вещи не становятся единым целым, но сохраняют свою разнородность. Это позволяет Латуру утверждать, что композиционизм привлекает внимание не к оппозиции сконструированного/не-сконструированного (*constructed/not constructed*), но к разнице между *хорошо* и *плохо* составленным (*well or badly composed*) (Ibid.: 474). Иначе говоря, подобно тому как композитор заинтересован в написании хорошо составленной, благозвучной мелодии, так и композиционист заинтересован в создании хорошо составленного, пригодного для жизни общего мира.

Несмотря на то что теория композиционизма еще не артикулируется в «Политиках природы» прямо и будет сформулирована гораздо позже (Latour, 2010a), в этой работе она обретает свои основные черты. Так, отправной точкой «композиционистского слоя» книги можно считать критику сложившегося в западной культуре взгляда на науку и политику, где первая фактически подчинила себе вторую. Латур утверждает, что подобное разделение было заложено еще в платоновском мифе о Пещере, который предопределил разделение Политики, остающейся под землей и дискутирующей о тенях на стене, и Науки, вышедшей на свет солнца (Латур, 2018: 75). Наследие этого мифа, согласно автору книги, до сих пор заставляет толпу молчать, передавая власть экспертам. Латур называет этот режим, при котором политика утрачивает свои полномочия по определению состава мира, «Конституцией Модерна» (Там же: 28).

Эта Конституция состоит из двух палат: палаты Науки, деятельность которой ассоциируется с объективными нечеловеческими законами природы, и палатой Политики, занятой сиюминутными страстями и бесполезными спорами, иначе говоря, субъективным. Ситуация подчиненности одной палаты другой позволяет назвать такой режим «абсолютистским».

В свою очередь, достичь подобной власти Науке позволила последовательная и продолжительная политическая работа эпистемологии, которая смогла убедить людей в способности Науки взять на себя роль хранилища всех истин: «...мы определим Науку как *политизацию наук посредством эпистемологии, призванную парализовать обычную политическую жизнь перед лицом постоянной угрозы со стороны не терпящей возражений природы*» (Там же: 18-19).

Закрепив за собой право выражения истины, Наука утвердила свою монополию на способность компоновать мир, решать, из чего ему следует состоять, тем

самым узурпировав политическое. Дело в том, что Латур в «Политиках природы» подразумевает под политикой способность собирать и упорядочивать: «единство природы... может конкурировать с *иной формой* объединения, компоновки (*composing*), самой что ни на есть традиционной и издревле называемой *той самой политикой*» (Там же: 39-40). Тем не менее реальность, так долго находящаяся под властью политической эпистемологии Науки, показывает свое несовершенство. Ярким тому примером становится в том числе и климатический кризис, очевидная опасность которого тем не менее не приводит к общественной реакции, соответствующей масштабам проблемы. Напротив, когда дело касается климата, составляющие мир сущности, как ни странно, приходят в состояние противоречия. В этом смысле примечательным для Латура становится пример противоборства «американской экономики» и ученых — членов МГЭИК в рамках Киотской конференции (Латур, 2018: 128). Более того, средством борьбы лобби капиталистов, стоящих на позициях дальнейшего увеличения темпов производства, с учеными, отстаивающими факт опасности глобального потепления, порой становятся такие же научные исследования, исходящие из политической эпистемологии Науки, но при этом намеренно отрицающие факт негативного влияния изменения климата (Latour, 2017: 26).

Эти и другие противоречия, строящиеся на основании несовершенства Конституции Модерна и имеющие подчас экзистенциальное значение для всего человеческого рода, позволяют Латуру назвать окружающий нас мир «какосмосом» (какóσμoς) (Латур, 2018: 119), то есть буквально «*плохим порядком*», «*неупорядоченным миром*». Тем самым уже в «Политиках природы» климатическая проблематика становится ярким свидетельством несовершенства Конституции Модерна, а следовательно, одним из двигателей композиционистского проекта.

В результате встает вопрос о необходимости реформировать монархию Науки. Латур требует передать узурпированное ей право формирования общего мира самим агентам, учредив «республику вещей» (Там же: 74, 240). Новая республика, порывающая с двухпалатной Конституцией Модерна, должна тем самым отказаться и от разделения агентов на субъекты Политики и объекты Науки. Взамен Латур предлагает новую форму объединения, которую называет «коллективом». Коллектив, таким образом, представляет собой непрекращающуюся *процедуру* собирания и пересобирания ассоциаций людей и не-человеков, противостоящую, во-первых, обществу в смысле совокупности исключительно человеческих агентов, и во-вторых, всякому уже установленному единству (Там же: 269). В результате республика вещей отказывается в том числе и от идеи Природы, основанной на иерархическом разделении объектов, в пользу гетерархичных ассамблей, где влияние одной сущности на другую не зависит от ее значимости или размера: «Улитка может заблокировать плотину, Гольфстрим может внезапно исчезнуть, террикон — стать биологическим резервом, а черви — превратить почвы Амазонии в бетон. Больше нет никаких оснований для ранжирования различных сущностей в порядке их значимости» (Там же: 35-36).

В свою очередь, новый тип политики, способный прийти на смену монархии Науки, результатом правления которой может быть лишь *какосмос*, должен представлять из себя набор задач, позволяющих обеспечить «постепенную композицию общего мира [перевод мой. — И. Н.]» (Там же: 26), пригодного для хорошей жизни всех населяющих его агентов. Тем самым общий мир не является предзаданным единством или тотальностью, существующей здесь и сейчас. Напротив, общий мир — это цель, которую необходимо достичь путем непрерывного поиска все новых и новых способов компоновки агентов во все новые и новые композиции. Не случайно Латур называет свой проект «экспериментальной метафизикой» (Там же: 143)³. Экспериментирование в ней происходит над привязанностями агентов, уже составляющих коллектив, для определения новых агентов-кандидатов на совместное существование.

Наконец, инструментом, способным обеспечить процесс композиции общего мира, в «Политиках природы» становится «Парламент вещей», состоящий из двух палат. Верхняя палата Парламента отвечает «за принятие в расчет» и должна отвечать на вопрос «сколько нас?» (Там же: 128). Основу ее должны составить ученые-естественники, способные при помощи лабораторий, как мы помним, обнаруживать и выводить в явленность новых не-человеков. Таким образом, нетрудно увидеть в верхней палате подход к политике, предложенный Латуром в период написания работ о Пастере. Производство новых сущностей посредством выведения их в явленность снова становится исходной точкой политического процесса.

В свою очередь, нижняя палата должна была бы отвечать за «упорядочивание» и отвечать на вопрос «можем ли мы жить вместе?» (Там же: 128). Ее целью, таким образом, было предотвращение неуправляемого включения существ в общий мир, иначе говоря, фильтрация агентов-кандидатов на совместное существование, за которой следовала бы институционализация получившейся композиции.

От Парламента вещей к Dingpolitik

Впрочем, уже в 2000-х годах в теории композиционизма происходит переход от идеи Парламента вещей к тому, что можно было бы назвать *Dingpolitik*, или же объектно-ориентированной политикой, то есть изменением в *способе* построения общего мира. Такой переход мог быть нацелен на придание изначально метафизической идее композиции более эмпирического, практико-ориентированного характера (Harman, 2014). Как признается сам Латур, он отказался от идеи Парламента вещей вскоре после выхода «Политик природы»: «Модель представительной демократии была точно неправильной, так что сейчас мы должны пойти назад во времени, даже еще дальше» (Латур, Хархордин, 2019).

3. Уже тут становится видно влияние на политический проект Латура прагматизма Джона Дьюи, который также подчеркивал принципиально экспериментальный характер политики: «Формирование государств должно являть собой некое экспериментирование» (Дьюи, 2002: 28).

Действительно, отправной точкой для Латура в этот раз становится древняя традиция прямой демократии. Так, слово «Ding», составляющее Dingpolitik, отсылает к хайдеггеровскому пониманию Вещи. Обращаясь вслед за немецким философом к истории этого понятия, Латур утверждает, что первоначально «Thing» или «Ding» могло означать особый тип архаического собрания (Хайдеггер, 1993: 321; Latour, 2006: 22-23). Этот факт позволяет ему утверждать, что Вещь (Ding) традиционно подразумевала вопрос или проблему, которая собирала людей вместе, потому что разделяла их (Latour, 2006: 23).

Отсюда вытекает первая отличительная черта объектно-ориентированной политики. Латур подвергает сомнению возможность существования политической репрезентации, без сопутствующего ей набора материальных атрибутов, играющих роль медиаторов политического общения. Иначе говоря, политика не может быть построена вокруг какой-либо заранее созданной традиции или процедуры, без оглядки на материальные условия, окружающие людей (Ibid.: 17-18).

Другой важной особенностью хайдеггеровской Вещи является заключенная в ней множественность. Вещь, как известно, объединяет в себе «четверицу» неба и земли, смертного и божественного, являясь тем самым противоположностью «пред-мету» (Gegenstand), понимаемому как то, что противостоит представляющему субъекту, всегда созерцающему лишь одну грань (Хайдеггер, 1993: 429). Иными словами, в отличие от «пред-мета», Вещь многогранна и неоднозначна. Это противопоставление во многом ложится в предлагаемую Латуром оппозицию «предметов факта» (matters of fact) и «предметов беспокойства» (matters of concern) (Latour, 2006: 19), и позволяет ему заявить, что композиционизм несет в себе альтернативу критике (Latour, 2010a: 474).

Дело в том, что факты, подобно хайдеггеровским «пред-метам», всегда односторонни и однозначны. Эта однозначность, согласно Латуру, позволяет критическим исследованиям рассматривать объекты мира всего в двух позициях: в позиции вымысла (fairly position), тем самым подвергая сомнению основания утверждений, которые современная космология считает ошибочными, и в позиции факта (fact position), принимая на веру утверждения, соответствующие эпистемологии Модерна (Latour, 2004: 237). В итоге, если основанная на фактах нововременная идея критики занимается низвержением вымыслов и фетишей, то есть иконоборчеством (iconoclasm), то сосредоточенный на многогранных «предметах беспокойства» или вещах, композиционизм занимается тем, что Латур называет «иконостолкновением» (iconoclasm) (Latour, 2010a: 475; Latour, 2010b: 68), то есть соотношением разных взглядов на мир, предоставляющим голос всем агентам, собравшимся вокруг проблемного вопроса.

Выходит, что игнорирование роли вещей как многогранных медиаторов политического процесса ведет к упадку политики, то есть к потере способности строить общий мир. Тем самым стремясь дать описание объектно-ориентированной демократии, Латур берет на себя еще и задачу найти способ преодоления кризиса политического и обеспечить процесс строительства общего мира, позволяющего выбраться из состояния *какосмоса*.

Решение этой задачи он находит в традиции американского прагматизма Джона Дьюи и Уолтера Липпмана. Согласно им, политическое возникает там и тогда, где и когда имеет место общий для множества людей предмет беспокойства.

Тем не менее объектно-ориентированная политика, пусть и указывая на решающую роль вещей или проблемных вопросов, не является простой адаптацией прагматизма Дьюи-Липпмана. Всего Латур выделяет пять значений слова «политическое», присущих Dingpolitik (рис. 1) (Латур, 2012), которые иначе можно назвать пятью «агрегатными состояниями» политики, способной разворачиваться вокруг вещей, и которые вовсе не обязательно следуют друг за другом (Latour, 2008: 669). Как мы увидим, каждый из выделяемых типов политической ситуации Латур связывает с определенной политико-теоретической рамкой, что лишней раз подтверждает слова Нортье Маррес о стремлении Латура при разработке Dingpolitik «мобилизовать интеллектуалов по всему политическому спектру» (Marres, 2023: 975).

Рис. 1. Типы политических ситуаций, способных разворачиваться вокруг предмета беспокойства⁴.

Первая форма объектно-ориентированной политики, «политическое-1», подразумевает деятельность, направленную на добавление в мир новых агентов, то есть потенциальных «проблем», способных организовать вокруг себя группу людей. Тем самым «политическое-1», вновь отсылая нас к исследованию пастеровских лабораторий (Latour, 2008: 662), становится «сырьем» для всех прочих политических ситуаций.

Второе значение политики, «политическое-2» — это то, что ставит проблему перед сообществом (Ibid.: 663), заставляя его начать разработку новых правил и процедур, призванных урегулировать проблемный вопрос, дабы сделать существо-

4. Таблица приведена на основании Латур, 2012: 250; Latour, 2008: 669.

вание агентов более предсказуемым и безопасным. Тем самым «политическое-2» отсылает к прагматизму Дьюи, который также подчеркивает, что государство всегда возникает для урегулирования непредвиденных последствий человеческих действий (Дьюи, 2002: 13).

Другой формой политической ситуации, «политическим-3», является то, что Латур называет «воспроизводством вопроса о суверенитете» (Latour, 2008: 664), то есть проблемного вопроса, обретающего форму «быть или не быть», при котором на кону стоит экзистенциальная безопасность коллектива. Ориентиром для данного состояния политики становится Карл Шмитт, определивший, как известно, политическое оппозицией «друга» и «врага».

Четвертое значение политики, «политическое-4», подразумевает «ответ на вызов демократической процедуре» (Ibid.: 666). Опираясь на модель делиберативной демократии Юргена Хабермаса, «политическое-4» предполагает наличие заранее установленной легитимной процедуры, законно выбранных представителей и всей необходимой информации, в результате чего собравшимся остается только вынести проблемный вопрос на обсуждение и договориться о способах и механизмах реализации вынесенного по нему решения.

Наконец, последней формой Dingpolitik, «политическим-5», является институционализация проблемных вопросов, превращение их в вопросы административного регулирования, отсылающее к концепции гувернаментальности⁵ Мишеля Фуко (Ibid.: 667). Другими словами, «политическое-5» может быть охарактеризовано как закон или административная привычка. Она не нарушает, а иногда и вовсе воспроизводит, установившиеся в коллективе нормы и иерархии, а потому часто оказывается абсолютно незаметной для агентов и может восприниматься ими как «аполитическое» (Латур, 2012: 251).

Тем не менее все перечисленные типы политических ситуаций остаются лишь абстрактными построениями без главного компонента — политической речи. Согласно Латуру, одной из основных особенностей политического «модуса существования» [POL], то есть типа высказывания, а вместе с тем и критерием его истинности является способность создавать группу: истинность или ложность политических лозунгов зависят от того, позволяют они продлить существование коллектива или нет (Latour, 2003: 147-148).

При этом процесс строительства новых и поддержания уже существующих групп всегда имеет, согласно Латуру, циклический характер. Другими словами, тип высказывания, способный привести в движение политический процесс, приобретает форму круга. В свою очередь, тем, что заставляет политическую речь изгибаться, являются вещи: «Если политика должна быть “кривой”, то это прежде всего потому, что она сталкивается с кольями, которые обязывают ее отклоняться, изгибаться, менять позиции. Ее путь кривой, потому что каждый раз она поворачивается вокруг вопросов, проблем, ставок, вещей — в смысле *res publica*, публич-

5. Об использовании термина «гouvernementalité» в качестве перевода понятия «gouvernementalité» см.: Каплун, 2019.

ной вещи...» (Latour, 2013: 337). В результате Латур заключает: «...политика всегда объектно-ориентирована...» (Ibid.: 337), а следовательно, может возникнуть только вокруг вещей, то есть проблем, предметов беспокойств (рис. 2).

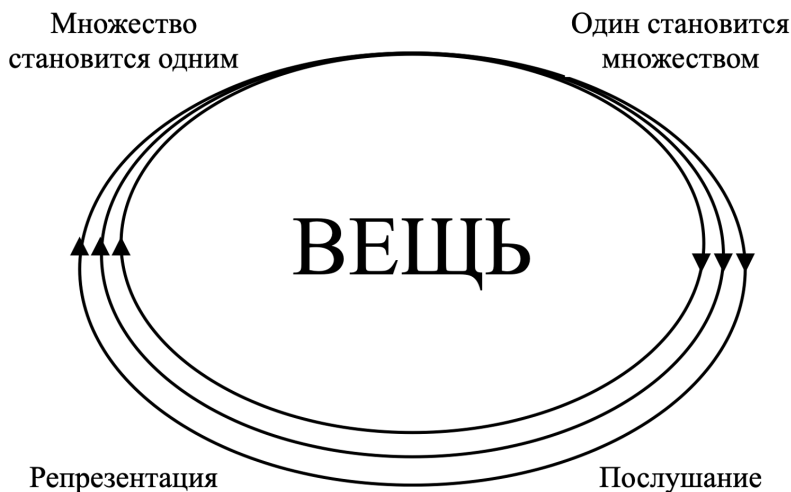

Рис. 2. Политический круг Бруно Латура⁶

В свою очередь, замкнутость круга обусловлена способностью политической речи к самовоспроизводству, то есть особым качеством, которое Латур называет *autophuos* (самозарождением) (Latour, 2003: 154). Дело в том, что круг состоит из двух сменяющих друг друга процессов: репрезентации как трансформации «нескольких в одного» и «послушания» как ре-трансформации одного в нескольких (Ibid.: 149). Воспроизводя в политическом смысле истинное высказывание о какой-либо вещи, «один», говоря от имени группы, способен пробудить к жизни множество, образовав тем самым коллектив (Latour, 2003: 147-148). В свою очередь, коллектив, реагируя на слова «одного» и предавая их между собой, в значительной степени видоизменяет изначальное суждение. Измененное суждение, если оно верно, снова высказанное «одним», вновь породит группу: «Круг, оригинальный модус существования, делает возможным появление... других существ» (Latour, 2013: 373). Выходит, что политический тип высказывания, будучи привязанным к вещам и способным образовывать коллективы агентов, оказывается комплементарен теории Dingpolitik, а следовательно, может рассматриваться как часть композиционистского проекта: «Нет ничего абсурдного в том, чтобы рассматривать композицию через политический круг... как один из способов, которые по случаю, предоставленному объектами — обычными вещами, делами, проблемами, — придают форму и образ другим существам, которые к ним привязаны» (Latour, 2013: 373).

6. На основе рисунка из Latour, 2003: 150.

Композиционизм в новом климатическом режиме

Новая попытка составить общий мир

Категориальный аппарат, разработанный Латуром в теоретических работах, посвященных проблеме политики, станет рамкой для анализа им ситуации климатического кризиса в его поздних трудах. Более того, описанная концепция объектно-ориентированной политики ляжет в основу его позитивного проекта по преодолению «политического оцепенения» перед лицом глобальных климатических проблем.

Прежде чем приступить к более пристальному рассмотрению приведенных тезисов, необходимо сделать оговорку, что сам Латур предпочитал общепринятому понятию климатического кризиса термин «новый климатический режим» (Latour, 2017: 7). Дело в том, что ситуация кризиса по определению имеет временный характер, иначе говоря, кризис предстает как препятствие, которое неизбежно будет преодолено на пути прогресса. В свою очередь, согласно Латуру, именно ослепление прогрессом (Latour, 2010a: 485) и вера западных стран в свою «историческую правоту» во многом и привели их к бездействию перед лицом климатической угрозы: «...трижды — в 1918 году (Версальский договор), в 1945 году (окончание новой Тридцатилетней войны) и в 1989 году (победа над Советским Союзом) — избыток, а точнее, цунами, “моральной ясности” каждый раз заставлял победителей неверно истолковывать достигнутое ими положение» (Latour, Chakrabarty, 2020: 425).

Тем не менее сегодняшняя ситуация, согласно Латуру, представляет собой «мутацию», то есть качественное изменение состава и формы мира: «мы привыкли к одному миру; теперь мы переходим, мутируем в другой» (Ibid.: 8). Особенностью этого нового мира становится повышенная чувствительность протекающих на Земле процессов к деятельности человека. Это позволяет Латуру утверждать, что новый климатический режим во многом является синонимом популярного сегодня в социальных науках термина «антропоцен» (Crutzen, Stoermer, 2000).

Тем самым новый климатический режим, характеризующийся реконфигурацией отношений агентов на фоне новых условий, связанных с глобальным потеплением, ставит человечество перед необходимостью адаптации к новому положению дел. При этом если Конституция Модерна, как мы помним, уже успела показать свою несостоятельность в деле решения климатической проблемы, то в результате встает вопрос, во-первых, о необходимости низвержения гегемонии современного мировоззрения, и во-вторых, если не о форме, то о новом принципе упорядочивания агентов мира, который позволил бы человечеству приспособиться к жизни в условиях нового климатического режима. Средством решения обоих вопросов для Латура становится композиционизм: «Выбор *метода* — дело непростое... я просто предлагаю... релятивизировать (понятие “природы/культуры”), поместив (его) среди других способов объяснения (accounts), с которыми оно разделяет

или не разделяет определенные черты. Другими словами, я предлагаю сделать его вопросом *композиции* — во всех смыслах этого слова [курсив мой. — И. Н.]» (Latour, 2017: 37). Более того, если климатическая ситуация «сводит людей [Модерна] с ума», вгоняя их в апатию, наводя страх или заставляя отрицать очевидные вещи (Ibid.: 11-12), то императивом для Латура становится поиск «курса лечения» (Ibid.: 13) превалирующего сегодня состояния принадлежности к миру. Предлагаемый курс мог бы состоять в том, чтобы «жить хорошо со своими недугами» (living well with one's ailment / bien vivre avec ses maux) или просто «жить хорошо» (living well / bien vivre)» (Ibid.: 14)⁷. Иными словами, «лечение» могло бы состоять в поиске иного способа отношений с другими агентами, который позволил бы всем жить в хорошо упорядоченном мире. Тем самым Латур дает понять, что композиционизм стоит считать «методом» перекомпоновки мира, который он собирается использовать в своем исследовании ситуации нового климатического режима и в поисках соответствующего ей состава агентов.

В этот раз в поисках альтернативы современной оппозиции объективного/субъективного Латур обращается к гипотезе Гея Джеймса Лавлока и Линн Маргулис. Согласно данной гипотезе, пригодная для существования биологической жизни поверхность Земли, иначе именуемая «критической зоной» (Ibid.: 93), представляет собой продукт непрекращающегося взаимодействия множества агентов. Результатом подобного взаимодействия становится образование новых ассоциаций, что позволяет рассматривать взаимоотношения актантов Гея как принципиально политические (Latour, Lenton, 2019) и отсылающие еще к античным моделям (Kharkhordin, 2022). В свою очередь, к возникающим таким образом ассоциациям относятся не только локальные экосистемы, но и с виду гомогенные и устойчивые универсалии, такие как, например, атмосфера, чьим составом манипулируют через облачный слой в том числе и морские микроорганизмы (Latour, 2017: 93).

Тем самым несложно заметить в гипотезе Гея *наследницу теории коллектива*, сформулированной в «Политиках природы». Однако в этот раз первоначально абстрактная идея Латура обретает эмпирический вес и научную базу. Действительно, Гею, как и коллектив, нельзя назвать устойчивой сущностью, она не может быть концептуализирована по лекалам какой-либо предзаданной формы, ее хаотичное движение продолжается здесь и сейчас. Короче говоря, она являет собой непрекращающийся *процесс* сборки и переборки объединений агентов. Выходит, сама по себе Гея, будучи альтернативным способом мыслить Землю и вбирая в себя всю совокупность человеческих и не-человеческих, «природных» и «рукотворных» агентов, не является общим миром. Тем не менее она является пространством, в котором становится возможным его построение.

7. В первом случае, говоря о необходимости «жить хорошо со своими недугами», Латур отсылает к «Мифу о Сизифе» Альбера Камю: «Важно... не исцелиться, но научиться жить со своими болезнями» (Камю, 1990: 44). Во втором случае указание на необходимость «жить хорошо» может отсылать к утверждению Аристотеля в «Политике» (1280b) о том, что полис является результатом объединения людей ради хорошей или благой жизни: «...оно [государство/полис] появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни (eu zēn)...» (Аристотель, 1983: 462).

Действительно, «бурлящее» пространство Геи, аккумулирующее в себе множество все новых и новых процессов, становится кладезем «перспектив», то есть конкретных возможностей, ориентацию на которые композиционизм предлагает в качестве альтернативы ослепляющей идее самодвижущегося прогресса (Latour, 2010a: 486).

Логично предположить, что роль таких перспектив, способных составить образ будущего общего мира, могли бы взять на себя те агенты Геи, что играют первостепенную роль в поддержании условий жизни на Земле. Выражаясь словами Латура, основу новой композиции должны составить агенты, участвующие в процессе *порождения* (engendering/engenderment), направленного на воссоздание сущностей, участвующих в производстве пригодного для жизни пространства, то есть сущностей, от которых зависит обитаемость мира в целом (Латур, 2019: 141-142; Latour, 2021: 23; Latour, Schultz, 2022: 30).

Тем самым кажется совсем неудивительным, что первостепенным шагом к решению проблемы климатического кризиса, а точнее, к построению общего мира, согласно Латуру, должно стать описание индивидами своих территорий, или, другими словами, «мест для жизни» (dwelling places/terrains de vie) (Латур, 2019: 155, 162; Latour, 2021: 69; Latour, Schultz, 2022: 85-86), с целью «определения своих друзей и врагов», то есть агентов, способствующих и препятствующих процессу порождения. Территория при этом подразумевает под собой не изолированную часть пространства, но сеть актантов, от которых зависит конкретный индивид: «Территория агента — это ряд других агентов, с которыми он должен договориться и без которых он не может обойтись...» (Latour, 2017: 252). Иными словами, Латур вновь указывает на необходимость первостепенного обращения к «политическому-1», то есть к практике выведения в явленность агентов, сокрытых за пеленой подручного, в том числе путем приобретения способности «воспринимать» и «быть озабоченными» (Ibid.: 145) земными процессами, от которых мы зависим⁸.

Однако сегодня процедура выявления сущностей, составляющих наши территории, становится особенно непростой задачей. Политический теоретик Пьер Шарбонье отмечает, что климатический кризис, ставший результатом концентрации нововременной западной мысли на понятиях либеральной свободы и экономического изобилия, привел к так называемому «двойному исключению» Модерна, предопределившему существующую асимметрию между сферами природного и социального (Charbonnier, 2021: 211). Сосредоточение на вопросах автономии и достатка вывело природное за пределы человеческого восприятия, сделав проблемы экологии невидимыми для обывателя, буквально оторвав его от земли. Идея Шарбонье позволила Латуру предположить, что сегодня мы являемся свидетелями раскола между двумя мирами: миром, в котором мы живем (le monde où l'on vit / the world we live in) как граждане, пользуясь определенным набором эконо-

8. Еще о важности способности «восприятия» как необходимого навыка для жизни в эпоху климатических изменений см., например: Stengers, 2015.

мических благ и юридических свобод, и миром, *которым* мы живем (le monde dont on vit / the world we live off), обеспечивающим условия для нашего существования как живых существ (Latour, 2021: 41; Latour, Schultz, 2022: 32). Будучи погруженными в первый из двух миров, мы упускаем из вида второй. Мир наших реальных экзистенциальных зависимостей становится лишь тенью наших повседневных забот.

Проект «Где приземлиться?»

Задачу решить проблему описания территорий, дабы запустить процесс композиции, берет на себя исследование *Où Atterrir?* («Где приземлиться?»), впервые проведенное консорциумом исследователей под научным руководством Латура в 2020 году (SOC) и ставшее своего рода кульминацией его многолетней работы в области политической экологии. Отправной точкой исследования, его теоретической моделью и источником вдохновения стал сюжет французской истории, связанный с возникновением наказов или «тетрадей жалоб» в январе-мае 1789 года (Латур, 2019: 166; Latour, 2019: 5). По призыву короля Людовика XVI все французские граждане коллективно за несколько месяцев перечислили свои тяготы и претензии, тем самым подробно описав условия своей жизни.

В результате некогда пассивный французский народ смог обрести политическую субъектность: «Уметь описать свои места для жизни и существовать в качестве народа — одно и то же» (Латур, 2019: 167). Подобное утверждение вновь явно опирается на понимание политического Липпманом и Дьюи, согласно которому появлению публичности всегда предшествует проблема, заставляющая людей собраться вместе для ее обсуждения (Marres, 2005). Отсюда задачу по созданию новой политической общности берет на себя и сам Латур, предлагая называть потенциальное объединение заинтересованных в защите агентов порождения то «земными» (Earthbounds, terrestrials) (Latour, 2017: 223; Latour, 2021: 15), то новой «нацией» (Латур, 2019; Latour, 2022: 88), то «экологическим классом» (Latour, Schultz, 2022). В этой связи одной из основных задач проекта *Où Atterrir?* становится в том числе реконструкция политической речи (Latour, 2019: 6) как обмена мнениями об общих вещах мира, непременно ведущего к образованию групп.

В целом исследование состоит из трех основных частей: анкетирования (заполнения «тетрадей жалоб»), работы с «компасом» и составления карт. Анкетирование является отправной точкой исследования и позволяет информантам выделить и перечислить сущности, от которых зависит их существование и которые, по их мнению, находятся под угрозой.

В свою очередь, основная часть исследования посвящена визуализации отношений агентов, составляющих жизненное пространство информантов. Компас представляет из себя устройство, позволяющее связать совокупность актантов, составляющих территорию каждого информанта, в единую сеть (рис. 3).

Рис 3. Пример заполненного компаса респондента, отражающего взаимодействия выделенных им сущностей.

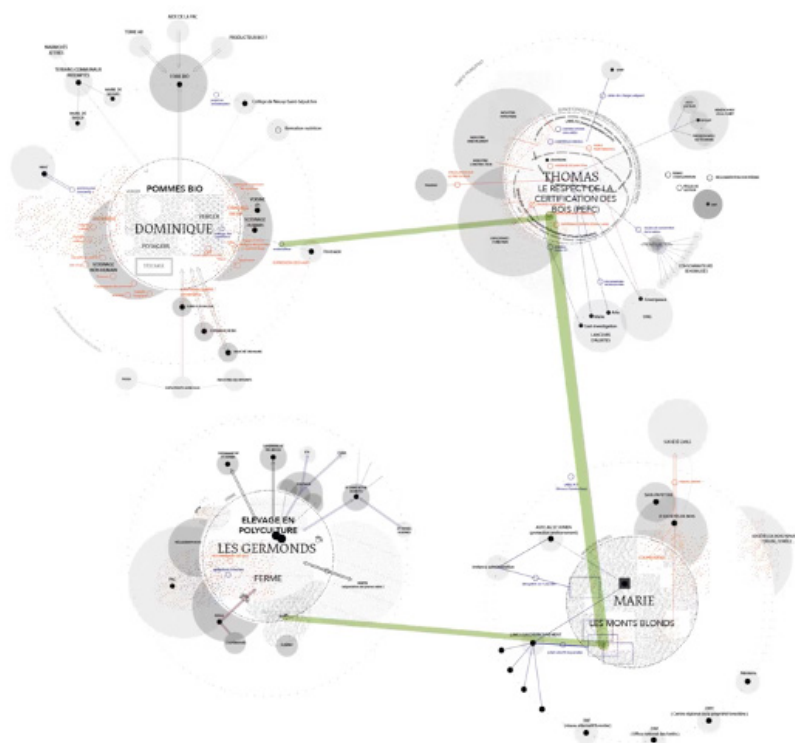
Фрагмент оригинального изображения команды Société d'Objets Cartographiques (SOC).

Как правило, в центре компаса размещается сущность, которая вызывает у информанта наибольшее беспокойство. Именно вокруг нее информант визуализирует отношения всех остальных агентов, составляющих его территорию (SOC). Позади от центральной сущности информант размещает тех агентов, от которых его сущность зависит, а спереди — на которых его сущность влияет. Слева от сущности располагаются агенты, испытывающие ее воздействие, или, наоборот, оказывающие на нее отрицательное влияние, то есть такое влияние, которое препятствует комфортному существованию сущности или же вовсе разрушает ее, а справа — положительное, то есть влияние, способствующее ее развитию.

Тем самым работа с компасом позволяет выделить из всего набора актантов, выявленных в результате описания, тех, кто выступает индивидуальным предметом беспокойства каждого из информантов. При этом стоит подчеркнуть, что размещенные на компасе сущности все еще не являются вещами, так как взгляд на них падает лишь с одной стороны: предмет на компасе играет однозначно положительную либо отрицательную роль.

Наконец, последний этап исследования основан на взаимном соотношении сетей зависимостей каждого участника для построения «карт общих ландшафтов» (les cartes des paysages partagés), отражающих основные проблемы людей, чьи индивидуальные территории приходят в соприкосновение (рис. 4). Авторы исследования называют подобные соприкосновения индивидуальных территорий «рикошетами» или «отскоками» (rebonds) (SOC). Дело в том, что агент, являющийся важным звеном системы порождения для одного или нескольких информантов, может оказаться подвержен отрицательному влиянию (угрозе) со стороны процесса жизнедеятельности другого человека. В результате составляющая общую территорию сущность приобретает черты предмета противоречия.

SOC - CONSORTIUM OÙ ATERRIR
Carte des paysages partagés

groupement de concernements : **ATTACHEMENT AUX BOIS**

Рис 4. Пример финальной карты проекта OÙ Atterrir? Индивидуальные территории каждого респондента объединены одной сущностью. Фрагмент оригинального видео команды Société d'Objets Cartographiques (SOC).

В качестве примера можно представить следующую ситуацию. Латур однажды упоминает своего соседа-фермера, который, борясь с сорняками, опрыскивал свою кукурузу гербицидами — химическими веществами, предназначенными для выборочного уничтожения растительности (Latour, 2021: 75). Опрыскивание положительно сказывалось на его урожае и даже, возможно, помогало ему продолжать получать субсидии ЕС на развитие сельского хозяйства. Однако эти же гербициды, оседая в том числе и на участке Латура, заставляли его беспокоиться о здоровье своих внуков, которые могли отравиться. Несложно представить, что другие соседи Латура также могли страдать от гербицидов, которые, будучи безопасными для кукурузы, могли нести вред другим сельскохозяйственным культурам, например, пшенице.

В результате мы имеем ситуацию наложения трех компасов или территорий, в каждом из которых присутствует такой агент, как гербициды (рис. 5). В компасе первого соседа Латура (Соседа-1), озабоченного своей кукурузой, гербициды играли бы роль агента, участвующего в процессе порождения, из-за своего положительного влияния на его урожай. В то же время в гипотетическом компасе Латура, в центре которого можно было бы поместить сущность под названием «семья», гербициды явно играют роль агента *негативного* влияния. Наконец, в компасе второго воображаемого соседа Латура (Соседа-2), озабоченного сохранением своих посевов пшеницы, гербициды также являются агентом, оказывающим отрицательное влияние на центральную сущность. Тем самым в результате наложения территорий трех человек общий для них актор, в данном случае гербициды, превращается в предмет противоречия.

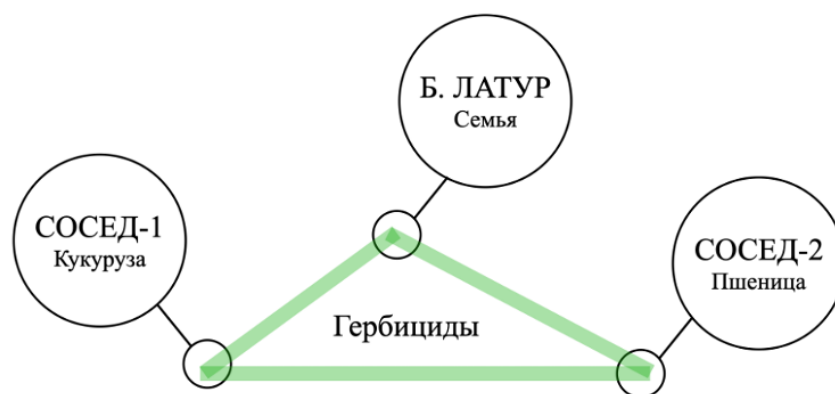

Рис 5. Пример объединения нескольких индивидуальных компасов одной сущностью.

Исходя из этого, можно предположить, что итоговые «карты общих ландшафтов» призваны превратить отдельных агентов территории в вещи, в смысле Ding, так как карта подразумевает взгляд на одни и те же сущности буквально с разных сторон. Если для Соседа-1 гербициды являются однозначно положительной сущностью, то для Латура и Соседа-2 они же являются той сущностью, которая несет

угрозу их основному предмету беспокойств. Однако стоит полагать, что если для Латура в этой ситуации было бы предпочтительнее вовсе избавиться от угрозы, заставив Соседа-1 перестать обрабатывать гербицидами свои поля, то Соседа-2 скорее всего устроила бы замена существующих гербицидов на те, которые являются безопасными для его пшеницы. Выходит, некогда одномерный предмет обретает многогранность.

В результате карты позволяют объединить людей в единую *публику*, озабоченную общим вопросом, то есть перевести ситуацию из состояния «политического-1» в состояние «политического-2», как у Дьюи. Мы помним, что цель «политического-2» заключается в разработке механизмов регулирования проблемных вопросов, иначе говоря, данная форма политической ситуации направлена на формализацию и/или институционализацию проблемы, с целью предотвращения неожиданных последствий «транзакций», произведенных с данной сущностью. Тем самым абсолютно не случаен факт активного сотрудничества консорциума *Où Atterrir?* с представителями местных властей, от которых ожидалась определенная реакция на проблемы жителей, выявленные в ходе эксперимента (SOC).

Итак, подобная реакция могла бы представлять собой попытку урегулирования проблемы силами государства, то есть потенциальный перевод проблемы из ситуации «политического-2», как у Дьюи, к «политическому-4», как у Хабермаса, предполагающему выстраивание вокруг проблемного вопроса формальной процедуры. При этом подобный перевод, предполагающий факт политической *репрезентации*, понимаемой как превращение *множества* людей в *один* (Latour, 2013: 133) институт или орган, являет собой работу *политического круга* Бруно Латура.

Именно полное прохождение политического круга можно считать главной целью эксперимента *Où Atterrir?* Дело в том, что оно, во-первых, демонстрирует решение проблемы активации политической речи, которая, как мы помним, является истинной только в том случае, если ведет к образованию все новых групп даже после того, как изначальный тезис был видоизменен в результате репрезентации, то есть преобразования «множественности» публики в единство исполнительного органа.

Во-вторых, будучи построенным вокруг предметов беспокойства, имеющих экзистенциальное значение для отдельных участников исследования, построение круга способно *политизировать экологический вопрос*, сделав его предметом беспокойства конкретной группы граждан.

В-третьих, построение политических кругов являет собой процесс построения новой «земной» политической общности «снизу», так как позволяет людям объединяться в новые группы на основании общих зависимостей и продвигать свои собственные интересы на всем протяжении формального политического процесса.

Наконец, множество политических кругов, построенных вокруг «экологических» предметов беспокойств, позволяют сплести единую композицию пригодного для жизни *общего мира*. Дело в том, что каждый из потенциальных предметов

беспокойства неизбежно представляет собой сущность, участвующую в процессе порождения и находящуюся под угрозой в результате негативного влияния на нее последствий действий других агентов. Будучи нацеленным на обеспечение защиты этих сущностей, политический круг *Où Atterrir?* буквально «перепрограммирует» политический процесс, превращая его в ту самую *постепенную композицию общего мира*, о необходимости которой Латур заговорил еще в 1990-х годах.

Заключение

Политический проект Бруно Латура постепенно формировался на протяжении всей его научной карьеры. Идеи, развитые им в ранних работах, продолжали играть определяющую роль и в более поздних трудах, органично встраиваясь в меняющуюся теоретическую рамку.

Так, ключевая идея ранней политической теории науки Латура, разработанной им в трудах о Пастере, отмечающая политический статус процесса производства новых агентов, населяющих мир, позже была интегрирована в его композиционистский проект, основные положения которого были обозначены им в «Политиках природы». В этой же работе Латур впервые определил политику в самом широком смысле, назвав ее «постепенной композицией общего мира». Данное определение сохранит свою актуальность вплоть до самых поздних его работ. Тем не менее со временем представление Латура о *способе* построения общего мира значительно менялось. Первая попытка предложить подход к реализации процесса композиции была совершена им уже в «Политиках природы» в форме идеи Парламента вещей. Позже, в 2000-х годах, Латур во многом пересмотрит свое понятие политического. Обратившись к традиции прямой демократии, он попытается сделать его более эмпирическим. Так на свет появится объектно-ориентированная политика, или же *Dingpolitik*, неотъемлемой частью которой стоит считать также и политический модус существования [POL], всегда строящийся вокруг вещей. Итак, категориальный аппарат, разработанный Бруно Латуром в теоретических работах, посвященных проблеме политики, не только станет рамкой для анализа им ситуации климатического кризиса, но и ляжет в основу позитивной программы по его преодолению.

Сам по себе экологический вопрос был предметом пристального внимания Латура начиная с самого зарождения композиционистского проекта. Неспособность современного миропорядка эффективно отреагировать на существующую климатическую угрозу стала для Латура одним из основных маркеров его несовершенства. В результате, исходя из того, что построенная под влиянием политической эпистемологии Науки Конституция Модерна влечет за собой образование *какосмоса*, то есть плохо упорядоченного мира, композиционизм стремится перестроить ее. Сделать это Латур предлагает путем релятивизации нововременного взгляда на мир, предлагая при этом свою собственную композиционистскую космологию, отвечающую требованиям нового климатического режима.

Принципы, на которых строится композиционистская картина мира, во многом наследуют теоретическим импликациям, намеченным Латуром в его ранних работах. Роль пространства, пригодного для построения общего мира, берет на себя гипотеза Геи, которую стоит считать эмпирически выверенной наследницей идеи коллектива, сформулированной в «Политиках природы» и понимаемой как процедура сборки и пересборки ассоциаций актантов. В свою очередь, множество происходящих в пространстве Геи событий может нести в себе значительное число перспектив, которые в условиях нового климатического режима могут пониматься как процессы, нацеленные на воспроизводство агентов порождения.

Наконец, позитивный проект Латура по построению пригодного для жизни общего мира также оказывается основан на теоретических импликациях, впервые заложенных им еще в ранних работах и в значительной мере модифицированных в поздних трудах, посвященных климатической проблематике. Так, первый шаг проекта *Où Atterrir?* предполагает описание информантами своих территорий, понимаемых как сети агентов, на которых они влияют и от которых зависят. Тем самым он оказывается основан на «политическом-1», то есть на процессе добавления в мир новых агентов. Визуализация территорий каждого информанта при помощи работы с компасом и процедуры картирования позволяет превратить индивидуальные предметы беспокойства в вещи, вокруг которых появляется возможность возникновения всех прочих типов политических ситуаций. Тем самым *Où Atterrir?* делает возможным запуск того, что Латур называет «политическим кругом», то есть непрекращающегося процесса движения политической речи, позволяющей образовывать новые группы. В свою очередь, построение множества политических кругов вокруг вещей, являющихся предметами противоречий, позволяет обеспечить постепенную композицию *пригодного для жизни* общего мира. Дело в том, что каждый из потенциальных предметов беспокойства неизбежно представляет собой сущность, участвующую в процессе порождения и находящуюся под угрозой в результате негативного влияния на нее последствий действий других агентов. В результате круг *Où Atterrir?* меняет траекторию всего политического процесса, переориентируя его на защиту агентов порождения, способных поддержать обитаемость мира, обеспечивая тем самым процесс непрерывного строительства того самого общего мира, пригодного для хорошей жизни всех входящих в него агентов.

Литература

- Аристотель (1983). Сочинения в 4-х т. Том. 4. М.: Мысль.
- Вахштайн В. (2005). Возвращение материального. «Пространства», «Сети», «Потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. Т. 4. № 1. С. 95-115.
- Дьюи Дж. (2002). Общество и его проблемы / Пер. с англ. И. М. Мюрберг, А. Б. Толстова, Е. Н. Косилова. М.: Идея-Пресс.

- Камю А. (1990). Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат.
- Каплун В. (2019). Перестать мыслить «власть» через «государство»: *gouvernementalité*, *Governmentality Studies*, и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // *Логос*. Т. 29. № 2. С. 179-220.
- Кузнецов А. Г. (2022). Био-лог. Как унаследовать Бруно Латура? // Антропологический форум. № 55. С. 389-398.
- Кузнецов А. Г. (2015). Латур и его «технолог»: вещи, объекты и технологии в акторно-сетевой теории // *Социология власти*. № 1. С. 55-89.
- Кузнецов А. Г. (2018). Метод Латура: семиотика между литературой и наукой // *Логос*. Т. 28. № 5. С. 85-112.
- Кузнецов А. Г. (2013). «Парадигма Латура»: история одного предательства социального конструктивизма в исследованиях науки и технологий // Векторы развития современной России: «границы» в социальных науках: Материалы XI Международной научно-практической конференции. М.: МВШСЭН. С. 62-75.
- Латур Б. (2019). Где приземлиться? Опыт политической ориентации / Пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2002). Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Пер. с англ. П. Куслий // *Логос*. Т. 35. № 5-6. С. 1-32.
- Латур Б. (2012). Коперниковский переворот в политической теории / Пер. с англ. А. Кузнецова // *Социология власти*, № 6-7. С. 235-254.
- Латур Б. (2015). Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / Пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Латур Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Латур Б. (2018). Политики природы / Пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Латур Б., Хархордин О. (2019). «Никто теперь не верит, что мы собираемся модернизировать планету». URL: <https://www.colta.ru/> (дата обращения: 18.04.2023).
- Напреенко И. (2015). Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // *Социология власти*. № 1. С. 108-121.
- Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. (2017). Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // *Логос*. Т. 27. №1. С. 1-40.
- Хайдеггер М. (1993). Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Республика.
- Хархордин О. (2006). Предисловие редактора // Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина; Науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 5-56.

- Хархордин О., Алапура Р., Бычкова О. (ред.). (2013). Инфраструктура свободы: общие вещи и *res publica*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Шиповалова Л. В. (2013). Бруно Латур и историчность научных текстов // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. Т. 15. С. 78-97.
- Широков А. (2019). Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлективные тексты // Социологическое обозрение. Т. 18. № 1. С. 186-217.
- Ait-Touati F., Latour B. (2022). *Trilogie Terrestre*. Paris: Éditions B42.
- Charbonnier P. (2021). *Affluence and freedom: an environmental history of political ideas*. Cambridge: Polity Press.
- Crutzen P. J., Stoermer E. F. (2000). The Anthropocene // *International Geosphere-Biosphere Programme. Newsletter* 41. P. 17-18.
- de Vries G. (2007). What is Political in Sub-Politics?: How Aristotle Might Help STS // *Social Studies of Science*. Vol. 37. № 5. P. 781-809.
- Harman G. (2014). *Bruno Latour. Reassembling the Political*. London: Pluto Press.
- Howles T. (2018). *The Political Theology of Bruno Latour*. PhD Thesis. Amesbury: Michaelmas Press.
- Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC)*. (2022). *Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kharkhordin O. (2022). Gaia as *Res Publica* // *History of Political Thought*. Vol. 43. № 5. P. 8-27.
- Latour B. (2021). *After Lockdown: Metamorphosis*, Cambridge: Polity.
- Latour B. (2010a). An Attempt at a "Compositionist Manifesto" // *New Literary History*. Vol. 41. № 3. P. 471-490.
- Latour B. (2013). *An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns*. London: Harvard University Press.
- Latour B. (2006). From Realpolitik to Dingpolitik: or How to Make Things Public // B. Latour, P. Weibel. (eds.) *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*. Cambridge: MIT Press. P. 14-41.
- Latour B. (2017). *Facing the Gaia. Eight Lectures on the New Climatic Regime*. Cambridge: Polity Press.
- Latour B. (2022). Is Europe's Soil changing beneath our feet? // *Géopolitique, Réseau, Énergie, Environnement, Nature*. № 2. P. 92-97.
- Latour B. (2010b). *On the Modern Cult of the Factish Gods*. Durham: Duke University Press.
- Latour B. (2008). Pour un dialogue entre science politique et *science studies* // *Revue française de science politique*. Vol. 58. № 4. P. 657-678.
- Latour B. (2019). The Search for Political Heteronomy: New Ledgers of Complaints // *Esprit*. P. 1-8.

- Latour B.* (2003). What if we *Talked* Politics a Little? // *Contemporary Political Theory*. № 2. P. 143–164.
- Latour B.* (2004). Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // *Critical Inquiry*. Vol. 30. № 2. P. 225–248.
- Latour B., Chakrabarty D.* (2020). Conflicts of Planetary Proportion — A Conversation // *Journal of the Philosophy of History*. Vol. 14. № 3. P. 419–454.
- Latour B., Lenton T.* (2019). Extending the domain of freedom, or why Gaia is so hard to understand // *Critical Inquiry*. Vol. 45. № 3. P. 659–680.
- Latour B., Schultz N.* (2022). *Mémo sur la nouvelle classe écologique*. Paris: Éditions La Découverte.
- Marres N.* (2023). How to Turn Politics Around: Things, the Earth, Ecology // *Science, Technology & Human Values*. Vol. 48. № 5. P. 973–998.
- Marres N.* (2005). No issue, no public. Democratic Deficits after the Displacement of Politics. PhD Thesis. Amsterdam: Ipskamp Printpartners.
- Seguin E.* (2015). Pourquoi les exoplanètes sont-elles politiques ? Pragmatisme et politicalité des sciences dans l'œuvre de Bruno Latour // *Revue française de science politique*. Vol. 65. № 2. P. 279–302.
- Seguin E., Lord L.-O.* (2023). Bruno Latour's *Science Is Politics By Other Means*: Between Politics and Ontology // *Perspectives on Science*. Vol. 31. № 1. P. 9–39.
- Société d'Objets Cartographiques (SOC). Où Atterrir? Les Nouveaux Cahiers de Doléances. URL: <http://s-o-c.fr/index.php/ncd/> (accessed: 12.05.2023).
- Stengers I.* (2015). In *Catastrophic Times: Resisting the Coming Barbarism*. London: Open Humanities Press.
- Yaneva A.* (2022). *Latour for Architects*. New York: Routledge.

On the Way to a Common World: Bruno Latour's Compositionism as a Means of Addressing the Climate Crisis

Ivan Naumov

Graduate student, Sociology department, European University at Saint-Petersburg
Address: Gagarinskaya str., 6/1, Saint-Petersburg, 191187 Russian Federation
E-mail: inaumov@eu.spb.ru

The article attempts to extract from Bruno Latour's rich oeuvre a coherent theoretical program he called "compositionism". The aim of compositionism is to derive a procedure for composing a "common world", a form of reality capable of providing the best possible living conditions for the maximum number of agents within it. The article consists of two parts. The first outlines the theoretical features of the emergence of the compositionist project in the context of the development of Latour's political thought from the 1980s to the 2010s. Originally articulated in the 'Politics of Nature' in order to find an alternative to the world comprised by the dominant constitution of modernity, the theory of compositionism gradually developed throughout Latour's academic career. The notion of the 'Parliament of things' should be seen as the first attempt to propose an approach of realizing the process of composing the common world. Later, in the 2000s,

Latour would substantially revise his political project. Turning to the tradition of direct democracy, he would try to make it more empirical. This is how "object-oriented politics" or Dingpolitik was born, part of which should be considered a political mode of existence [POL] that is always built around things. The second part of the article attempts to apply the established theoretical apparatus to the interpretation of Latour's later studies about the climate crisis. Among these is the 'Où Atterrir?' experiment, which embodies what should be seen as a positive project of "bottom-up" overcoming of "political numbness" in the face of the environmental threat.

Keywords: political theory, social theory, compositionism, common world, climate change, Dingpolitik, Gaia, Bruno Latour.

References

- Aït-Touati F., Latour B. (2022) *Trilogie Terrestre*, Paris: Éditions B42.
- Aristotle (1983) *Sochinenija v 4-h t. Tom. 4.* [Writings in 4 volumes. Vol. 4.], Moscow: Mysl'.
- Camus A. (1990) *Buntujushhij chelovek. Filosofija. Politika. Iskusstvo* [The Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art], Moscow: Politizdat.
- Charbonnier P. (2021) *Affluence and freedom: an environmental history of political ideas*, Cambridge: Polity Press.
- Crutzen P.J., Stoermer E. F. (2000) The Anthropocene. *International Geosphere-Biosphere Programme*, newsletter 41, pp. 17-18.
- de Vries G. (2007) What is Political in Sub-Politics?: How Aristotle Might Help STS. *Social Studies of Science*, vol. 37, no 5, pp. 781-809.
- Dewey J. (2002) *Obshchestvo i ego problemy* [Public and its problems], Moscow: Ideya-Press.
- Harman G. (2014) *Bruno Latour. Reassembling the Political*, London: Pluto Press.
- Heidegger M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: articles and speeches], Moscow: Respublika.
- Howles T. (2018) *The Political Theology of Bruno Latour*. PhD Thesis. Amesbury: Michaelmas Press.
- Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). (2022) *Climate Change 2022: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kaploun V. (2019) Perestat' myslit' «vlast'» cherez «gosudarstvo»: gouvernementalité, Governmentality Studies, i chto stalo s analitikoj vlasti Mishelja Fuko v russkih perevodah. [Stop Understanding "Power" Through the "State": Gouvernementalité, Governmentality Studies, and the Fate of Michel Foucault's Analytics of Power in Russian Translations]. *Logos*, vol. 29, no 2, pp. 179-220.
- Kharkhordin O. (2022) Gaia as Res Publica. *History of Political Thought*, vol. 43, no 5, pp. 8-27.
- Kharkhordin O. (2006) Predislovie redaktora [Editor's Foreword]. Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Jesse po simmetrichnoj antropologii*. [We Have Never Been Modern. An

- An Essay on Symmetrical Anthropology], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 5-56.
- Kharkhordin O., Alapuro R., Bychkova O. (red.). (2013) *Infrastruktura svobody: obshhie veshhi i res publica*. [The Infrastructure of Freedom: Common Things and *res publica*], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Kuznetsov A. (2022). Bio-log. Kak unasledovat' Bruno Latura? [Bio-log. How to Inherit Bruno Latour?]. *Forum for Anthropology and Culture*, no 55, pp. 389-398.
- Kuznetsov A. (2015) Latur i ego "tehnolog": veshhi, objekty i tekhnologii v aktorno-setevoj teorii [Latour and His "Technologist": Things, Objects and Technology in Actor-Network Theory]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 55-89.
- Kuznetsov A. (2018) Metod Latura: semiotika mezhdu literaturoj i naukoy [Latour's Method: Between Literature and Science]. *Logos*, vol. 28, no 5, pp. 85-112.
- Kuznetsov A. (2013) "Paradigma Latura": istoriya odnogo predatel'stva sotsial'nogo konstruktivizma v issledovaniyakh nauki i tekhnologii ["The Latour Paradigm": The Story of One Betrayal of Social Constructivism in Science and Technology Studies]. *Vektory razvitiya sovremennoj Rossii: "granitsy" v sotsial'nykh naukakh: Materialy XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Vectors of Modern Russia Development: "Boundaries" in the Social Sciences: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference], Moscow: MSSSES, pp. 62-75.
- Latour B. (2021) *After Lockdown: Metamorphosis*, Cambridge: Polity.
- Latour B. (2010a) An Attempt at a "Compositionist Manifesto". *New Literary History*, vol. 41, no 3, pp. 471-490.
- Latour B. (2013) *An Inquiry into Modes of Existence. An Anthropology of the Moderns*, London: Harvard University Press.
- Latour B. (2006) From Realpolitik to Dingpolitik: or How to Make Things Public. B. Latour, P. Weibel. (eds.) *Making Things Public: Atmospheres of Democracy*, Cambridge: MIT Press, pp. 14-41.
- Latour B. (2002) Dajte mne laboratoriyu, i ya perevernu mir [Give Me a Laboratory and I will Raise the World]. *Logos*, vol. 35, no 5-6, pp. 1-32.
- Latour B. (2019) *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoy orientacii* [Where to land? Experiences of political orientation], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Latour B. (2017) *Facing the Gaia. Eight Lectures on the New Climatic Regime*, Cambridge: Polity Press.
- Latour B. (2012) Kopernikovskij perevorot v politicheskoy teorii [The Copernican revolution in political theory]. *Sociology of Power*, no 6-7, pp. 235-254.
- Latour B. (2022) Is Europe's Soil changing beneath our feet? *Géopolitique, Réseau, Énergie, Environnement, Nature*, no 2 pp. 92-97.
- Latour B. (2010b) *On the Modern Cult of the Factish Gods*, Durham: Duke University Press.
- Latour B. (2015) *Paster: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem «Nesvodimogo»* [Pasteur: War and Peace of Microbes, with an appendix of "Irreductions"], Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

- Latour B. (2014) *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju* [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow: HSE Publishing House.
- Latour B. (2018) *Politiki prirody* [Politics of Nature], Moscow: Ad Marginem Press.
- Latour B. (2008) Pour un dialogue entre science politique et science studies. *Revue française de science politique*, vol. 58, no 4, pp. 657-678.
- Latour B. (2019) The Search for Political Heteronomy: New Ledgers of Complaints. *Esprit*, pp. 1-8.
- Latour B. (2003) What if we Talked Politics a Little? *Contemporary Political Theory*, no 2, pp. 143-164.
- Latour B. (2004) Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, vol. 30, no 2, pp. 225-248.
- Latour B., Chakrabarty D. (2020) Conflicts of Planetary Proportion — A Conversation. *Journal of the Philosophy of History*, vol. 14, no 3, pp. 419-454.
- Latour B., Kharkhordin O. (2019) «Nikto teper' ne verit, chto my sobiraemsya modernizirovat' planetu» ["No One Now Believes We're Going to Modernize the Planet"]. Available at: <https://www.colta.ru/> (accessed: 18 April 2023).
- Latour B., Lenton T. (2019) Extending the domain of freedom, or why Gaia is so hard to understand. *Critical Inquiry*, vol. 45, no 3, pp. 659-680.
- Latour B., Schultz N. (2022) *Mémo sur la nouvelle classe écologique*, Paris: Éditions La Découverte.
- Marres N. (2023) How to Turn Politics Around: Things, the Earth, Ecology. *Science, Technology & Human Values*, vol. 48, no 5, pp. 973-998.
- Marres N. (2005) *No issue, no public. Democratic Deficits after the Displacement of Politics*. PhD Thesis. Amsterdam: Ipskamp Printpartners.
- Napreenko I. (2015) Delegirovanie agentnosti v koncepcii Bruno Latura: kak sobrat' gibrinnyj kollektiv kiborgov i antropomorfov? [Delegation of Agency in the Concept of Bruno Latour: How to Build up a Heterogeneous Collective of Cyborgs and Anthropomorphs?]. *Sociology of Power*, no 1, pp. 108-121.
- Pisarev A., Astahov S., Gavrilenko S. (2017) Aktorno-setevaja teorija: nezavershennaja sborka [Actor-Network Theory: An Unfinished Assemblage]. *Logos*, vol. 27, no 1, pp. 1-40.
- Seguin E. (2015) Pourquoi les exoplanètes sont-elles politiques ? Pragmatisme et politique des sciences dans l'œuvre de Bruno Latour. *Revue française de science politique*, vol. 65, no 2, pp. 279-302.
- Seguin E., Lord L.-O. (2023) Bruno Latour's Science Is Politics By Other Means: Between Politics and Ontology. *Perspectives on Science*, vol. 31, no 1, pp. 9-39.
- Shipovalova L. V. (2013) Bruno Latur i istorichnost' nauchnyh tekstov [Bruno Latour and Historicity of Scientific Objects]. *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filsofskogo obshhestva*, vol. 15, pp. 78-97.
- Shirokov A. (2019) Politika objasnenija i strategija opisaniya Bruno Latura: kak pisat' infrarefleksivnye teksty [The Politics of Explanation and Strategy of Description of Bru-

- no Latour: How to Write Infra-reflexive Texts]. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 1, pp. 186-217.
- Société d'Objets Cartographiques (SOC). Où Atterrir? Les Nouveaux Cahiers de Doléances. Available at: <http://s-o-c.fr/index.php/ncd/> (accessed: 12 May 2023).
- Stengers I. (2015) *In Catastrophic Times: Resisting the Coming Barbarism*, London: Open Humanities Press.
- Vahshtajn V. (2005) Vozvrashhenie material'nogo. «Prostranstva», «Seti», «Potoki» v aktorno-setevoj teorii [Return of the Material: "Spaces", "Networks", "Flows" in Actor-Network Theory]. *Russian Sociological Review*, vol. 4, no 1, pp. 95-115.
- Yaneva A. (2022) *Latour for Architects*, New York: Routledge.